

Краеведы и краеведение на Каргополье и письменные источники музея

Первые сведения о существовании письменных источников по истории Каргополя относятся к XVIII в. В 1785 г. Каргополь посетил Олонецкий губернатор Г. Р. Державин. Ему была показана хранящаяся в архивах городского Спасо-Преображенского монастыря не дошедшая до нас рукопись с легендой об основании Каргополя¹. Еще одна рукопись неизвестного автора с описанием Каргополя и Вытегры была обнаружена собирателем фольклора П. Н. Рыбниковым в 1860-х гг. и передана им в библиотеку Русского археологического общества. Об этом факте сообщали периодические издания². Со слов корреспондента рукопись датируется XVIII в. и представляет собой ответы на вопросы. В ней приводится одна из местных легенд о названии Каргополя, описывается

обычай почитания скульптурных изображений святых³ и старинные наряды каргополок, называемых автором «великими щеголихами». Известно, что в семье каргопольского купца М. В. Урываева в конце XIX в. хранилось рукописное сочинение о Каргополе⁴. Рукописи, содержащие отдельные исторические сведения о городе, его церквах и монастырях, имеются в Государственном историческом музее, Национальном архиве республики Карелии.

Как и в целом по России, краеведческие изыскания в нашем регионе активизируются во второй половине XIX в. Уже в 1851 г. была издана первая книга о Каргополе⁵. Ее автор Степан Петрович Кораблев, родившийся в Каргополе, впоследствии живший в Москве и Петербурге, занимался книжной торговлей и издательским делом⁶. Интересно то, что в собрании нашего музея есть отзыв на книгу С. П. Кораблева его современника.

Среди персоналий краеведов дореволюционного периода, изучавших историю, экономику и культуру Каргополя, губернские чиновники, политические ссыльные, уездные священники и учителя: Е. В. Барсов, В. М. Белозерский, Д. В. Островский, Д. М. Березкин и другие. Значительный вклад в изучение края, в частности по истории его монастырей и церквей, старообрядчества, а также беличьего промысла, внес каргопольский краевед К. А. Докучаев-Басков, работы которого публиковались в периодических изданиях и выходили отдельными книжками⁷.

Некоторые частные вопросы изучались Олонецким губернским статистическим комитетом, Каргопольским уездным земством, Обществом изучения Олонецкой губернии. Особое место в их исследованиях уделялось промыслам и ремеслам Каргопольского уезда⁸.

Одновременно с описанием исторических и культурных явлений шла работа по выявлению, собиранию и сохранению отдельных памятников материальной культуры. С открытием в 1871 г. в губернском Петрозаводске естественно-промышленного и историко-этнографического музея в работу по комплектованию его

фондов были вовлечены различные слои населения: купцы, крестьяне, священники, чиновники. Среди дарителей часто упоминается имя каргопольского уездного исправника П. В. Качалова. В 1870-е гг. им были переданы в музей различные предметы, в том числе коллекции каргопольской глиняной игрушки. Сам по себе факт примечателен тем, что он свидетельствует о широте взглядов возглавлявшего полицию первого административного лица уезда. Вклад в пополнение музейного собрания внесли и другие жители Каргополя: купеческий сын Н. А. Серебренников, один из купцов Лёховых, преподаватель духовного училища Г. П. Сергиевский⁹ возглавлявший Каргопольский музей в 1928-1938 гг.

С 1870-х гг. начал формировать свою коллекцию будущий создатель музея в Каргополе Капитон Григорьевич Колпаков. Он же в течение 1903-1914 гг. по заданию Этнографического отдела Русского музея он собрал и передал туда 11 этнографических коллекций (376 предметов), записи о чем сохранились в научном архиве Российского этнографического музея. Можно предположить, что К. Г. Колпаков был одним из корреспондентов в сети, созданной известным музейным деятелем Д. А. Клеменцем для формирования собрания этнографического отдела Русского музея.

В первые годы советской власти в Каргопольском уезде действовала массовая краеведческая организация – Каргопольский комитет Вологодского общества изучения Северного края (ВОИСК). Ее создание инициировалось группой активистов из 15 человек, ставших учредителями отделения ВОИСК. В основном это местная интеллигенция: работники просвещения, директор музея, библиотекарь, заведующий метеостанцией, агрономы. Персонально – это Г. П. Сергиевский, П. И. Пятунин, П. М. Покровский, М. И. Рогозин, В. В. Оборин и другие. 27 января 1924 г. правление краеведческой организации в Вологде утвердило отдел в Каргополе. Его численный состав не был постоянным. В начале 1924 г. краеведческая организация насчитывала 52 человека, в декабре 1925 г. – 239, в 1927-1928 гг. численность вновь сократилась до 102 человек. Ячейки общества краеведения были организо-

ваны в педтехникуме и городской школе II ступени. Образовывались они и в сельских волостях, первые ячейки были созданы в Архангельской и Красновской. Значительное количество среди членов общества составляли учащиеся. В Вологодском музее сохраняются анкеты краеведов за 1926 г. По Каргопольскому уезду зафиксировано 47 анкет, в которых значатся фамилии краеведов, зарегистрирована одна волостная краеведческая ячейка¹⁰. При Каргопольском отделении ВОИСК работало несколько секций, в том числе культурно-историческая и общественно-экономическая.

Члены общества на своих собраниях слушали доклады об истории Каргополя, древних поселениях, о памятниках искусства, об экономике и другие, которые носили не только познавательный характер, но и затрагивали вопросы методики изучения темы. Было совершено несколько экскурсий по уезду (в нашем понимании экспедиций). Кроме того, отдел ВОИСК финансировал раскопки М. Е. Фосс на месте крепости в 1920-х гг. Первое же практическое дело, с чего начал свою деятельность ВОИСК в Каргополе, – взятие на учет некоторых дореволюционных архивов (духовного училища, городской думы, земской управы, мировых судей и другие). Часть из них находилась на чердаках и других заброшенных помещениях. Таким образом, были спасены от утраты документы, которые уже начали продаваться по лавкам и раздавать школам в качестве оберточной и писчей бумаги.

Отделения ВОИСК также действовали в Вельске, Тотьме, Грязовце и других городах. На места губернское правление общества рассылало программы для проведения опросов, (отдельные из них сохранились в музейных фондах). При этом обращалось внимание на запись детских игр, народных сказок, другого фольклора, а также на описание быта деревни. Иконы художественного письма и резные изображения святых рекомендовалось сосредоточить в местном музее. В 1923 г. при закрытии городских церквей были составлены описи церковного имущества Входаиерусалимской, Благовещенской, Владимирской, Воскресенской и других храмов и Спасо-

Преображенского монастыря¹¹. При этом часть икон и церковной утвари поступила в Каргопольский музей.

Задания по описанию деревень, хозяйства и быта сельского населения, а также фиксации устного народного творчества выполнялись учащимися школ и студентами педтехникума. Поэтому уровень их исполнения невысок. Но иногда среди записей встречаются довольно интересные заметки.

О деревнях Ковежского общества (деревни по обоим берегам р. Ковжи на юге уезда): *«Пахут землю у нас сохами. Редко, когда своего хлеба хватает на год. Земля неплодородная и со всех сторон окружена болотами... Летом ...проехать две версты от дому невозможно. Дорог никуда нет. В поляну сеять пробираются с большим трудом... провезут одну соху и борону, а за семенами приезжают второй раз... Во время молотбы женщины ходят по болотам, собирают клюкву. Мужчины ходят закладывать плотину водяной мельницы. Зимой инье уходят на станцию в 75 верст и пилят там дрова в лесу... Лет 30 назад в деревне Кузьминой из 20 домов (сейчас 35) 10 было курных изб. В настоящее время только 2... Освещение в избах бывает единственно лучина березовая... керосиновую лампу зажигают на праздники, на свадьбы или же во время чаепития, а как отойдут, тушат лампу ...»*¹².

О деревнях Архангельской волости (очерк Тимофеевой, 1923 г.):

*«Состоит их 3-х волостей (так у автора – И. О.) Волосовской, Луговской, Архангельской... Население в центре резко отличается от других глухих деревень... Красивой у нас считают девушку среднего роста, круглое лицо, черные брови, румяные щеки, длинная коса..., а парень, чтобы был высокого роста, здоровый, черные кудри и играл бы хорошо на гармошке. Беленьких любят, но меньше, рыжих встречается мало. Не любят ...тех, которые в веснушках... Посты раньше соблюдали, а теперь не соблюдают. Этому много помог голод, который заставил забыть всякие посты... Крестины с попом заменили звездами, свадьба только записыванием в ВИКе, а вот похороны ...все еще с попом...»*¹³.

Рассказ К. Колиной (1924-1925 гг., предположительно о деревнях Моши):

«В большом и печном углу стоит по столу. Один для обеда, другой для стряпни. Украшением служат картины на содержание ...песни «Потеряла я колечко», особенно распространенной до войны... В местах более культурных большие двухэтажные дома на фасон города. В домах крашенные полы застланы половиками, на окнах цветы и занавески. По стенам ...картины, часы, зеркала, фотографии... Тарантас – вещь не повседневная, а праздничная. Имеет его более или менее зажиточный крестьянин. Особенно распространялись до войны. Раньше они служили повседневной вещью деревенским ямщикам. Для быстрой и легкой езды у кулаков имеются таратайки-карбалетки с двумя колесами... В местах, где придерживаются старых устоев, костюм (женский – И. О.) состоит из цветного (страсть к ярким цветам) сарафана с лентами, фартука яркого в лентах и летом рубахи с широкими длинными рукавами с остebками, заууженным местом на конце рукава. В холодное время – кофточки-накидки простые спускные или казачки... В местах, где много уехавших в город, например, Усть-Мошинский район, одежда состоит из юбки и кофты. Притом одежда не обладает пестротой... Обувь: в будни – бахилы или полусапожки-циблеты (с резинкой, с пуговицами, со шнурками). В летнее время... кожаные чарки-выступки и баретки, туфли из белой кожи, шитые у местных мастеров. В праздники носят сапоги с галошками. За время войны начали выходить из употребления, теперь опять распространяются...»¹⁴.

В ряде записей встречаются фенологические наблюдения. Например, ученицей Гарьской школы I ступени в течение 4-х лет подряд с 1925 по 1928 г. фиксировались даты первого выезда на пашню, начала посадки различных культур, выгона скота, уборки хлеба, установки санного пути и др.

В составе архива Каргопольского отдела ВОИСК имеются интересные записи старинных песен, частушек, заговоров, пастушьих отпусков. Все эти этнографические материалы (около 100 дел) хранятся в Государственном архиве Архангельской области.

С ориентацией краеведения этого периода на изучение производительных сил (так называемое «производственное краеведение»), в Каргопольском уезде тоже

производились исследования месторождений известняка, глины, железной руды. Был подробно записан старинный способ выплавки железа из болотной руды, бытовавший в Лядинах и к тому времени на практике не использовавшийся¹⁵.

Отдельные очерки каргопольских краеведов публиковались в изданиях, выпускаемых губернским правлением ВОИСК. Среди них следует отметить работы Г. П. Сергиевского¹⁶.

Отдел ВОИСК в Каргополе предположительно прекратил свое существование около 1930 г. с изменением административного подчинения Каргополя, а также из-за реорганизации самого ВОИСК. В 1938 г. штамп и печать Каргопольского отделения были переданы в районный архив¹⁷. Прекращению работы краеведческого общества в немалой степени способствовали общие тенденции политизации массового движения. Аналогична судьба научных краеведческих обществ, входивших в свое время в состав ВОИСК, в других городах.

Представление о проблематике краеведческих исследований могут дать рукописные и печатные труды краеведов, хранящиеся в фонде письменных источников и научном архиве музея.

Ограничим круг наших источников рукописными материалами, часть которых известна исследователям только по одной публикации¹⁸. Далее речь пойдет о наследии нескольких авторов. Оно насчитывает десятки рукописей XIX-XX вв. В них раскрываются темы истории Каргополья и этнографии. Их можно условно объединить в три группы: исторические очерки, мемуары и фольклор.

К первой группе источников можно отнести сочинения И. М. Ивановского, М. И. Залесского.

Иоанн Матфеев Ивановский – священник городской Каргопольской церкви Иоанна Предтечи. Его перу принадлежит несколько работ, сшитых в один сборник (КП 10538). Самая ранняя рукопись датируется 1852 г., две другие – 1860 и 1861 гг., остальные без указания даты. Этот сборник поступил в музей в 1999 г. в составе архива каргопольского краеведа К. П. Кореновой от ее дочери.

На титульном листе указано название – «Заметки на книгу (очерк) «Этнографический и географический очерк города Каргополя, изданную Стефаном Петровичем Кораблевым 1851 г.».

На самом деле, кроме собственно рецензии, рукопись содержит исторический очерк Каргополя, словарь местных слов, различные сведения по Каргопольскому Предтеченскому приходу, списки писем А. А. Баранова в Каргопольский городской магистрат и другие материалы. Первые два раздела представляют из себя ответы на вопросы анкеты. Из текста следует, что это задание выполнено по указу Олонецкой духовной консистории и предписанию местного протоиерея В. Яжелбицкого. Здесь содержатся сведения по географии, истории края, этнографии.

Описывая свой приход, состоящий не только из городских, но и сельских жителей ближайших к городу 11 деревень, автор характеризует их занятия, обряды, обычаи. *«Жители большею частию среднего роста и крепкого телосложения, имеют правильное расположение всех членов тела и очень малое количество в приходе уродливых, как то горбатых, хромых, сухоруких и немых. Цвет волос ... светлорусый и темный... Из городских жителей некоторые занимаются торговлею красных товаров и съестных припасов, иные торговлею пушных товаров, а особенно беличьих мехов, иные хлебопашеством и рыбною ловлею, и почти все огородничеством... Крестьяне занимаются хлебопашеством, собираем ягод и грибов, и в особенности грибов – известных под названием боровиков или красных рыжиков, и продажею оных в большом количестве, ... перевозом товаров ... в Санкт-Петербург и обратно»¹⁹.* Описание жилищ священник сопровождает планами внутреннего расположения помещений. И. М. Ивановский дает подробное описание костюма: городского и крестьянского, мужского и женского, праздничного и рабочего, зимнего и летнего, обрядового и обыденного. Говоря о старинном женском наряде с сарафаном особого кроя «матурником», отмечает, что он уже вывелся. Довольно полно показаны формы земледелия и

хозяйственные занятия. Относительно общественного быта и народного веселья говорит *«сказать ничего не могу, потому что не бывал на мирских сходках»* или *«не имел случая видеть оные»*. Большой раздел посвящен свадебным обрядам. Обращая внимание на последовательность и существо обрядовой стороны, перечисляет приданое городской невесты *«постельный убор, комод, зеркало, шкап для платья, сундуки и прочее...»²⁰*. Все это имущество отправляется в дом жениха накануне свадьбы. В деревенской свадьбе приводятся тексты плачей невесты (к сожалению именно эта часть рукописи не вся читается). Автор фиксирует и некоторые бытующие прозвища, дает им объяснения. *«Вообще всех каргополов называют толокошниками... Есть еще насмешка над каргополами; будто бы они поехали с толокном по озеру, ... везли на продажу... и вздумали прорубить прорубь и замешать в проруби толокно; прорубили прорубь и начали класть толокно, и целый воз оклали, а толокна не могли замешать»²¹.*

В заметках на книгу С. П. Кораблева священник Ивановский уточняет некоторые географические названия Каргополья, перечисляет в отличие от С. П. Кораблева все городские приходы. Полемизируя с рецензируемым наш автор пишет *«Ныне каргопольские купцы не отправляют уже более мехов беличьих водою в Нижегородскую ярманку... Метелей таких не бывает в городе, чтобы сообщение прерывалось на 5-7 дней... Повязки на голове носят... одни только деревенские девушки, а городские носят гребенки»²²* и тому подобное. Словарь местных слов и выражений более развернутый, чем у С. П. Кораблева. Наряду с общеупотребительными приводятся слова и выражения, распространенные на Каргополье, как то *«басалай – бранное слово суровому или нахальному мальчику. (говорят: экой басалай идет); гуня – верхняя оборванная одежда; мотора – гуляка по чужим женам; обабки – грибы, масляки; скливо стало – сделалось тошно, дурно»²³* и так далее.

О себе автор пишет, что собственного дома не имеет *«по скудости доходов, а проживает в церковном доме»*, получает от *«доброхотных подаяний»* прихожан 120-150

рублей серебром в год и имеет жалованье за должность законоучителя в приходском училище – 57 рублей в год²⁴. В том, что И. М. Ивановский был реальным лицом убеждает нас синодик Предтеченской церкви, начатый в 1875 г. В самом начале записей об усопших значится род бывшего иерея этой церкви Иоанна Матфея Ивановского²⁵.

Описание Каргополя, точнее его церквей и приходов, выполненных священниками, можно встретить в центральных и региональных архивах. Данный же автор не ограничивается скухими ответами на поставленные вопросы, а развивает их до очерка, дополняя яркими этнографическими сюжетами. Из всех известных нам рукописей о Каргополе, датируемых не позднее, чем началом XX в., эта является наиболее полной и потому единственной в своем роде. И. М. Ивановский привлекал к сбору материалов и других лиц, о чем говорится в его записях. Кроме того, отдельные сведения взяты автором в административных учреждениях города, в частности, это неизвестные до недавнего времени письма в Каргополь из Аляски первого Главного правителя российских колоний А. А. Баранова.

Максим Иванович Залесский происходит из крестьянской старообрядческой среды. Он принадлежал одному из направлений старообрядчества – странники (скрытные) и был в свое время одним из руководителей общины. В 1960-1970 гг. сотрудничал с Библиотекой Академии наук (БАН), куда передал старообрядческие рукописи и свои собственные труды по истории странничества на Каргополье²⁶. В Каргопольском музее имеется его рукописная книга «Древний Каргополь» (КП 531), в отдельных тетрадях черновые записи к ней, переписка, главным образом, с БАН. Вместе с рукописями в 1970 и 1971 гг. он передал и свою личную библиотеку (более ста томов по истории христианства, истории Русского Севера, в основном, дореволюционные издания).

Рукопись «Древний Каргополь» прослеживает историю края с древних времен, его церквей и монастырей, включает отдельные факты истории старообрядческих

общин на Каргополье. Что касается истории Каргополя, то в основном, это общеизвестные сведения. При подготовке книги М. И. Залесский использовал различные источники, в том числе рукописи из собрания Каргопольского музея. Говоря о строительстве Христорождественского собора, он утверждает, что храм был построен не без содействия Ивана Михайловича Юрьева, сродника царицы Анастасии, ссылаясь при этом на житие Александра Ошевенского. В тексте книги много выпадов против официального духовенства, что вполне объяснимо. М. И. Залесский был хорошо знаком с работами К. А. Докучаева-Баскова о старообрядчестве. Полемизируя со своим предшественником он обвиняет его в неточности изложения отдельных фактов о старообрядцах, а также в пособничестве православному миссионеру при сборе сведений о скрытных, что нельзя исключать. *«Старый авторитетный из разведчиков Докучаев десятки лет... шатался, искал новых знакомцев, новых сотрудников, передатчиков сведений о староверах, местах их прожития, наставниках»*²⁷.

К сожалению, репутация самого М. И. Залесского не безупречна. «Будучи вхож в... группы старообрядцев-скрытников... по поручению ОГПУ ходил по деревням с корзиной (был нищим). Моя обязанность разузнать, что думают, что говорят люди»²⁸.

К группе мемориальных источников относится рукопись И. М. Митягова.

Иван Матвеевич Митягов – уроженец деревни Кузнецово Шильдской волости. Происхождением из бедных крестьян. В молодости был отходником, освоил многие рабочие специальности. Около 30 лет работал в качестве инженера-техника на строительстве Свирской, Волховской и других электростанций. Взяться за перо его побудили вышедшие в 1970-х гг. книги о Каргополе.

В 1980 г. он подарил музею свою рукопись «На память потомкам. Воспоминания о деревне Каргополья» (НВФ 2616). Рукопись состоит из двух частей, в первой из которых автор вспоминает о детских и юношеских годах, во второй – пишет об отходничестве. Приложением к книге служат

рисунки и схемы домов, церквей, а также планы деревень. Изложение отличается эмоциональностью и лиричностью. Автор пишет: «... здесь нет вымышленных событий... и вымышленных имен... Я пишу, и как будто вижу себя в толпе босоногих мальчишек в холщовых портках, в таких же рубашечках с одной пуговицей у ворота на левом плече, а иногда и с палочкой вместо пуговицы, идущих в бор собирать грибы или ягоды»²⁹.

И. М. Митягов по памяти описывает свою деревню периода 1920-х гг., ее постройки, называет имена жителей, реконструирует отдельные события. О некоторых из них он вспоминает с сожалением, например о грабеже имения (на родине И. М. Митягова находились земли, принадлежавшие императорскому дворцу), хотя сам принимал в этом непосредственное участие. Давая картину революционных событий в деревне, он живо представляет одного из организаторов митинга матроса Ефима Рябкова, по прозвищу Кумпалихин, в глазах мальчишки выглядевшего как герой: «Я не сводил с него глаз: высокий, стройный, чуть смугловатый, с небольшими усами с колечками; в фуражке без козырька; сзади от которой висели две ленточки с якорями на концах... А воротник?! Дух захватывает! Брюки на нем какого-то необыкновенного покроя: без прорези спереди и уширенные внизу, а на блестящем ремне, в кобуре, револьвер»³⁰.

Кто из ребят не мечтает о путешествиях? В рассказах старших романтикой был овеян уход на заработки. Наслушавшись рассказов отходников о больших городах, И. М. Митягов тоже хотел попасть в неведомые места. Вот каким видится Петербург из этих рассказов: «Бывалые люди рассказывали, что это такой большой город, что надо целый день, чтобы пройти его поперек, что он разделен множеством улиц, а каждая улица имеет свое название, а каждый дом свой номер, что пешеходы ходят около домов, а посреди улиц, по железным рельсам, катятся трамваи, которые тянут за собой проволоку...»³¹. Позднее сам став отходником и поработав на заготовке леса и сплаве, он поймет, что реальность далека от романтики. В то же время это способствовало развитию любознательности, кругозора,

а впоследствии появилась потребность изложить увиденное на бумаге.

Первую часть рукописи И. М. Митягов направил в Ленинградскую писательскую организацию, где о ней отозвались как об энциклопедии жизни северного крестьянства. С этим вполне можно согласиться.

Среди этнографических материалов в фондах нашего музея – наиболее значимые те, что собраны И. И. Березиным, И. И. Рудометовым, М. В. Хвалынской.

Иван Иванович Березин родился в бедной крестьянской семье в деревне Надконецкая, окончил три класса земской школы. До революции и в первые послереволюционные годы работал на лесозаготовках. Закончив Комвуз (учебное заведение по подготовке партийных кадров), с 1930-х гг. работал в административных органах КПСС. Фольклор начал собирать еще 14-летним подростком, когда шла гражданская война, продолжал это делать в течение многих лет. Вести записи ему помогала сестра. Бабушка и дедушка И. И. Березина ходили с сумой по деревням, пищенствовали, отец был коробейником. Они сами были носителями устного народного творчества. В своих записях собиратель приводит слышанные им в детстве семейные рассказы и предания.

В 1970-1990 гг. свой архив И. И. Березин передал в Архангельский областной краеведческий и Каргопольский краеведческий музеи. В фондах нашего музея хранятся тематические подборки: «Каргопольские частушки» (940 частушек), «Свадьбы каргопольские и связанные с ними обычаи и обряды», «Вечеринки и беседы Каргополя», «Бабушкины были», «Детские рассказы» и другие³².

Иван Ильич Рудометов – педагог, краевед, ученый. Окончил учительскую семинарию в Петрозаводске. Состоял членом Общества изучения Олонецкой губернии, что подтверждает его членский билет от 1913 г., хранящийся в музее (КП 6397). До 1923 г. преподавал в Каргопольском педагогическом техникуме. Затем жил в Москве. В 1947 г. защитил диссертацию по теме «История торфяного дела в России». Еще в 1919 г. издает книгу о Каргополе³³.

Рукописное наследие И. И. Рудометова – сказки и былины. Сказки объединены по темам, например, «Солдатские сказки», «Сказки деревенские», «Сказки про царей и царевичей», «Сказки про разбойников». Всего им записано 53 сказки (НВФ 3606, 3607, 3609, 3610). Их тексты передаются в литературной обработке собирателя, что конечно приводит к утрате оригинальности и самобытности. Но сам по себе комплекс северных сказок безусловно представляет интерес. Среди былин записаны следующие: «Пир у князя Владимира», «Три дочери богатыря Микулы Селяниновича», «Соловей Будимирович» и другие (НВФ 3611). Действие в одной из былин разворачивается в древнем Каргополе.

В 2000 г. Г. П. Дурасовым Каргопольскому музею были подарены записи фольклора Марии Васильевны Хвалынской – 198 тетрадей с частушками, загадками, пословицами, поговорками, заговорами, старинными песнями. Это труд многих лет жизни. Материалы собраны не только ею самою, но и другими людьми. Один из сборников частушек датируется XIX в.

Названные в настоящей статье рукописи представляют научную ценность и нуждаются в публикации.

Подводя итог, следует отметить, что развитие краеведческого движения в регионе проходило в русле общих тенденций и закономерностей, присущих этому явлению в целом. Интерес к истории своего края стал неотъемлемой чертой в образе жизни представителей многих поколений. До революции это была наиболее образованная часть общества (священники, учителя, чиновники). В 1920-е гг. к ним присоединилась новая советская интеллигенция и школьники. Если дореволюционные краеведы проявляли интерес к истории края, обрядам и обычаям, то последующее поколение, наряду с этим, уделяло больше внимания изучению деревни, фольклору. На протяжении столетия в поле зрения краеведов находилась тема старообрядчества.

Поколение историков-любителей XIX в. заложило основы региональной истории и провинциальной историографии. Жившие в переломную эпоху первых лет

советской власти исследователи остро ощущали конкретные исторические явления. Им не всегда хватало знаний, широты взгляда. Их повествования несут живые обороты крестьянской речи и очень близки к устному народному творчеству. Для всех поколений краеведов характерно стремление зафиксировать уходящие явления культуры. Их работы адресованы потомкам, что прослеживается даже в названиях. Лучшие традиции краеведов прошлого продолжают и сегодня.

¹ Гемп К. П. Каргополь. – Архангельск, 1968. – С. 17-18.

² Известия Императорского археологического общества. Т. IV. – 1863. – Вып. 5; ОГВ. – 1867. – № 38.

³ Подробнее об этом см. в статье И. Л. Федориновой в настоящем сборнике.

⁴ Докучаев-Басков Ф. К. Каргополь: Беглый очерк города. – Архангельск, 1996. – С. 5.

⁵ Кораблев С. П. Этнографический и географический очерк г. Каргополя Олонецкой губернии с словарем особенностей тамошнего наречия. – М., 1851. – (Переиздано в 1993 г. Архангельским филиалом Русского географического общества).

⁶ Подробнее об этом см.: Старицын А. Н. Братья Кораблевы // Каргополь. Историческое и культурное наследие. – Каргополь, 1996.

⁷ Список работ К. А. Докучаева-Баскова см.: Онучина И. В. Каргопольский краевед К. А. Докучаев-Басков и его наследие (к 150-летию со дня рождения) // Археографический ежегодник за 1999 год – М., 2000. – С. 164-165.

⁸ Подробнее об этом см.: Онучина И. В. Кустарные промыслы и ремесленное дело Каргополя и роль уездного земства в их развитии (вторая половина XIX – начало XX в.) // Каргополь. Историческое и культурное наследие... – С. 295-303.

⁹ Олонецкий естественно-промышленный и историко-этнографический музей. Петрозаводск: Каталог предметов, поступивших в музей с 1871 года, то есть со времени его основания при Олонецком губернском статистическом комитете до 1 апреля 1889 года. – Петрозаводск, 1889; Описание естественно-промышленного и историко-этнографического музея / Сост. Л. Шавельникова. – Петрозаводск, 1918.

¹⁰ Памятники письменности в музеях Вологодской области: Каталог-путеводитель. Ч. 5. Вып. 2. Документы советского периода Вологодского областного краеведческого музея. – Вологда, 1988. – С. 98.

¹¹ ГААО. Ф. 5239. Оп. 1. Д. 2. Л. 59-70 об.

¹² ГААО. Ф. 5239. Оп. 1. Д. 37. Лл. 2, 5.

¹³ ГААО. Ф. 5239. Оп. 1. Д. 6. Л. 1-3.

¹⁴ ГААО. Ф. 5239. Оп. 1. Д. 17 Л. 1-4.

¹⁵ ГААО. Ф. 5239. Оп. 2. Д. 36.

¹⁶ **Сергиевский Г. П.** Лаче-Кубенский водный путь (исторический очерк) // Лаче-Кубенский водный путь и его значение. – Вологда, 1927. – С. 1-11; **Сергиевский Г. П.** Экскурсия на реку Кинему // Север. – Вологда, 1927. – № 2 (6). – С.181-184; **Сергиевский Г. П.** Каргопольский музей местного края // Спутник краеведа. – Вологда, 1929. – № 3. – С. 30-32. и др.

¹⁷ Каргопольский музей. Н. а. Оп.1. Д. 8. Л. 15.

¹⁸ См.: **Решетников Н. И.** История Поонежья в документах Каргопольского музея // Каргополь. Историческое и культурное наследие. Материалы научно-практической конференции, посвященной 850-летию Каргополя, 3-5 июля 1996 / Науч. ред. Н. И. Решетников. – Каргополь, 1996. – С.15-23.

¹⁹ Каргопольский музей. КП 10538. Л. 3-3 об.

²⁰ Там же. Л. 12.

²¹ Там же. Л. 25 об.

²² Там же. Лл. 34, 35 об.

²³ Там же. Лл. 36 об, 38, 41 об., 42 об., 45.

²⁴ Там же. Л 9 об.

²⁵ Каргопольский музей. КП 7286. Л. 20.

²⁶ Подробнее об этом см.: **Бубнов Н. Ю.** Старообрядчество на Русском Севере // Христианство и Север. По материалам VI Каргопольской научной конференции / Науч. ред. и сост. Н. И. Решетников. – М., 2002. – С. 133-143.

²⁷ Каргопольский музей. КП 531. Л. 53.

²⁸ **Криничная Н., Пулькин В.** По Каргополью. «На восток моря, дышущего окияна»: Записки собирателя фольклора // Север. – 1999. – № 6 – С. 151-152.

²⁹ Каргопольский музей. НВФ 2616. Ч. 1. Л. 2.

³⁰ Там же. Ч. 2. Л. 7.

³¹ Там же. Ч. 2. Л. 14.

³² Подробнее об этом в статье **О. А. Рудометовой** в настоящем сборнике.

³³ **Рудометов И. И.** Каргопольский край. – Каргополь, 1919.